

ДНЕВНИК
МИШИ
ТИХОМИРОВА

Миша Тихомиров с сестрой Ниной (в дневнике - Нинель), моложе его на год, и с родителями, школьными учителями, жил в Ленинграде на улице Достоевского, напротив того дома, где теперь музей писателя. «Детство у нас с братом было счастливым. В семье царили мир, согласие, по воскресеньям ходили гулять к Неве, в Зоологический музей, а иногда ездили в Павловск; по вечерам папа читал нам хорошие книги: рассказы Бианки, Пришвина, «Дерсу Узала», «Оливер Твист»», - вспоминает сестра Миши Нина Васильевна, ныне жительница города Будапешта, куда она переехала в 1955 году вслед за мужем.

В 2010 году в журнале «Звезда» была опубликована большая часть дневника Миши Тихомирова. И в этом же году небольшой книжкой, тиражом всего 300 экземпляров, за счёт собственных средств Нина Тихомирова издала его полностью. «Как самую дорогую из накопившихся за долгую жизнь реликвий» хранит она дневник 15-летнего брата.

Миша Тихомиров вёл записи ежедневно с 8 декабря 1941-го по 17 мая 1942-го, пропустив из-за болезни только два дня. 159 дней - обратный отсчёт... Последняя запись - предпоследний день Миши.

«О его гибели мы узнали 19 мая, - говорится в электронном письме в «АиФ» из Будапешта. - 18 мая днём был очень интенсивный артобстрел. Ни мама, ни Миша не пришли домой вовремя. Трамваи не ходили, трамвайные провода висели, люди шли пешком... Вечером мама пришла, Миша - нет. Утром папа поехал в училище и узнал, что рядом с ним, на трамвайной остановке, на углу Международного и Киевской, разорвался снаряд, осколок которого попал Мише в висок. Любимая Мишина учительница, биолог Людмила Николаевна Леончукова, дала место для его могилы рядом с могилами своих родных на старом Лютеранском кладбище».

В блокадном городе близкие Миши, конечно, видели, знали, что он ведёт дневник. Но и после Мишиной гибели они ещё долго не открывали две тетрадки - слишком живым и ранищим было всё, с ними связанное... Теперь откройте их и вы.

8 декабря 1941 г. Начинаю этот дневник вечером 8 декабря. Порог настоящей зимы. До этого времени было еще малоснежие и морозы были слабые, но вчера, после 15-й подготовки утром ударил мороз в -23. Сегодня держится на 16, сильно метет весь день. Снег мелкий, неприятный и частый, пути замело, трамваи из-за этого не ходят. У меня в школе было только 3 урока. (...)

Так как дневник начинает писаться не только не с начала войны, но с середины обычного месяца, необходимо сделать краткий перечень всего интересного, что произошло у нас и как мы живем в данный момент.

Ленинград в кольце блокады; часто бомбардировался, обстреливался из орудий. Топлива не хватает: школа, например, отапливаться углем не будет. Сидим на 125 г. хлеба в день, в месяц мы получаем (каждый) примерно около 400 г. крупы, немного конфет, масла. У рабочих положение немного лучше. Учимся в бомбоубежище школы, т. к. окна (из-за снаряда) забиты фанерой и собачий холод в классах. Дома живем в одной комнате (для тепла). Едим 2 раза в день: утром и вечером. Каждый раз суп с хряпой или чем-нибудь другим (довольно жидкий), какао утром, кофе вечером. До последнего времени пекли лепешки и варили изредка каши из дуранды (теперь она кончается). Закупили около 5 кг столярного клея; варим из него желе (плитка на 1 раз) с лавр. листом и едим с горчицей. (...)

9/XII. Пятнадцатиградусный мороз без сильного ветра, снега нет. Трамваи после вчерашних заносов не ходят. Целый день с утра до вечера идет отдаленная стрельба. Ребятам в школе дали без карточек (а возможно, будут давать и впредь) жиденького супа. Все-таки это что-нибудь да значит. Днем у нас с 10 до 5 часов света нет, самые неприятные последние часы - темно. Сегодня перетащили со двора дрова, которые легче всего стянуть. Днем поели клею, попили горячего кофе с хлебом, с салом, полусухарем и галетиной. Всего, конечно, минимальное количество, но все же это из ряда вон выходящее событие. Вечером думаем шить варежки. Спать лягу часов в 8.

10/XII. Погода все та же. В 6 часов утра мама ходила в очередь за конфетами. Но безуспешно. Вернувшись, сообщила радостную новость: нашими войсками взят снова Тихвин. Приподнятое настроение. Мама сшила первую пару варежек. Замечательные: просторные и теплые. Сегодня сварили суп на два дня из 10 картошек (2 кастрюли), кружки бобов, чуть-чуть лапши и по кусочку мясных консервов. Это уже третий двухдневный картофельный суп (после капусты кажется замечательно

вкусным). Послезавтра снова капуста. Это последняя и уже неполная бочечка. Клея по городу нет. При случае запасем еще. Пока он идет у нас замечательно с разными острыми приправами.

Затоплен камин. Сейчас будем греться, пить кофе, читать вслух. Настроение бодрое. Ждем газет с подробностями о боях за Тихвин. Дневник я теперь пишу как только дают свет, т. е. после 5 часов.

11/XII. Сегодня еще радостная весть: наши войска взяли Елец. Потери немцев 12 000 убитыми и ранеными, 90 орудий и т. д. На Тихом океане заваривается страшная каша. Япония действует вовсю. В школе было из-за холода 4 урока. Вероятно, так будет и впредь. Собрались все дома до 2 часов. Поэтому согрелись чаем. Выдано по сухарю и галетине. Обедать сегодня будем позднее. Вокруг упорные, но по-моему ложные слухи о прибавке хлеба. Идут разговоры об эвакуации через лед Ладожского озера. Кто говорит, идти пешком 200 км, кто - 250 км. На вторую декаду выдадут еще понемногу столового масла. Если удастся получить - замечательно.

Сегодня намечается шитье варежек для меня.

12/XII. (...) Мама получила за первую декаду месяца 800 г. черных макарон. Сразу же разделили их на 10 частей. Выходит - по неполной чайной чашке на кастрюлю супа. Суп сегодня уже варили с капустой. Папа сегодня ушел в школу на ночное дежурство. Взял 2 одеяла, надел свежешитые стеганые ватные бурки: ведь в школе лютый холод! Такие же бурки, вероятно, будут готовы к среде для меня. Сейчас мы втроем сидим и читаем. Скоро пойдем спать.

Вообще все мы страшно похудели, в ногах и теле слабость, которая особенно чувствуется после пилки дров (даже очень непродолжительной), ходьбы и т. д. Тело все время зябнет, пустяковые царапины и ожоги не заживают очень продолжительное время. Уроки стараюсь готовить в школе, раньше ложиться спать. (...)

14/XII. Спали до 11 часов. День прошел незаметно. Варили обед, я сделал микроскоп, но еще не испытал его. Вечером прочли при камине 3 главы «Морского волка». Скоро должны выключить электричество. До этого момента читаю «Большие надежды» Диккенса. Потом - спать. К вечеру оставил четыре ломтика сушеного хлеба (очень маленьких), кусочек сухаря, пол-ложечки топленого сахара (чаю я не пил во избежание запухания), и будет еще благодаря воскресенью выдача шоколада. Сегодня подсчитал остатки клея - 31 плитка. Как раз на месяц.

На этом фото Мише 9 лет. Спустя 6 лет он начнёт записывать блокадные дни своей семьи в тетрадь. Всего таких записей окажется 159... Жизнь Миши Тихомирова оборвёт осколок снаряда. Вместе с ней оборвётся и дневник.

Миша с сестрой Ниной каждое лето до войны проводили в деревне Красные Горы Лужского района. «Это было самое счастливое наше время», - вспоминает Нина Васильевна, сберёгшая тетрадь брата до наших дней.

Фото на странице - из архива Н. Тихомировой.

В городе заметно повысилась смертность: гробы (дошчатые, как попало сколоченные) везут на саночках в очень большом количестве. Изредка можно встретить тело без гроба, закутанное в саван.

15/XII. (...) С некоторых пор все замечают, что у меня опухает лицо. Думаю поэтому как можно больше уменьшить себе порцию воды. Вообще об опухании: по городу эта болезнь очень сильно распространена. Опухание начинается с ног, переходит на тело; многие умирают. Еще раз подчеркиваю громадную смертность среди населения. Возвращаясь из школы, можно встретить до 10 гробов. (...)

19/XII. Канун моего дня рождения. День после школы занят усиленной работой: пилим дрова, колем и таскаем в комнаты. Перед работой подкрепились остатками черных сухарей и кусочками сала с какао. Для истощенного организма работа кажется страшно тяжелой, руки быстро устают. Так или иначе, но в общем напилили довольно много дров. Остальные сложили плотным штабелем и забили досками (против воров).

Скоро будем обедать. Это не вредно, т. к. голод дает себя чувствовать, да и все тело ломит от усталости. Потом затопим камин, вымоем головы и ноги, сменим белье. На завтра мама достала за 10 пачек папирос маленький кусочек дуранды (дорого!). Из него и из бобов она устроит праздничную кашу. Отрезали сегодня последний (4) пай в фонд завтрашнего пира.

Немцы вспомнили о нас: вчера был короткий, но очень интенсивный обстрел, кажется, Куйбышевского р-на. Сегодня тоже кого-то обстреливали.

20/XII. Запишу о празднике немного. Он еще впереди. Сейчас варится торжественный обед.

В школе сегодня много работали, я по уборке снега (2 часа), папа по разборке дома на дрова для школы. Потом я и еще некоторые ребята поехали на завод за буржуйками для школы и учителей. Завод - у Волкова кладбища. Большое «оживление», масса гробов. По дороге видели небранный труп на улице... Все это производит очень тяжелое впечатление. Привезли к школе 5 печурок. Потом, погрузив на санки одну, оставленную для папы, поехали втроем домой. Мама страшно обрадовалась: печурка чугунная, цилиндрическая, вес приблизит. 4-4,5 пуда. Приладили к ней самоварную трубу, затопили. Результат великолепный. В комнате сразу стало теплее. У мамы тоже удача: она достала 1200 г. бомбошек. Сейчас это очень выгодные конфеты.

21/XII. Воскресенье. Спали в замечательном тепле от печурки до 10 часов. Потом согрели на ней суп и поели. Мама ушла на дежурство. Получили хлеб. Уже отрезали частицу в фонд Новогоднего праздника. Сейчас 2 часа, но уже темнеет. Только что кончился сильный артобстрел города. Немцы зашевелились, вероятно, благодаря теплу ($t - 2^{\circ}$).

День рождения прошел вчера великолепно. Я получил замечательный коллективный подарок: альбом для рисования и великолепно изданную книгу «Античное и новое искусство» с замечательными репродукциями творений великих мастеров. Потом начался обед, состоявший из двух тарелок густого супа с капустой, каши из разваренных бобов сои с лапшой (кажется, никогда не ел такой вкусной!), кофе. К кофе было выдано по кусочку вареной почки, тресковых консервов, хлеба, меда. Из всего этого каждый состриял десяток миниатюрных бутербродов и с наслаждением, медленно, съел. Кроме того, ко сну мама выдала по несколько конфет. Организм почувствовал сытость!

Камин не топили, т. к. великолепная печечка очень сильно нагрела комнату. (...)

24/XII. Настроение не очень веселое, т. к. сводки еще не слышал, во всем теле и особенно в ногах сильная слабость. Ее чувствуют все. Сегодня узнали в школе о смерти учителя черчения. Это вторая жертва голода... Уже не ходит в школу преподавательница литературы. Папа говорит, что это следующий кандидат. Многие учителя еле-еле ходят. Жить было бы можно, если бы получали вовремя наш маленький паек. Но это очень трудно. Да, нужна сейчас Ленинграду немедленная помощь. (...)

25/XII. Сегодня Нинель из-за кашля и насморка, а главное, для сохранения сил не ходила в школу. Мы же, придя в школу, узнали великолепную весть: прибавка хлеба! Получаем теперь по 200 г. Это показатель нашего положения на фронте. У населения приподнятое настроение. Все воспрянули духом. (...)

27/XII. В школу не пошел. Дома наколот дров для печурки, потом лег.

У Татьяны Александровны мама достала книгу Беляева «Властелин мира». Кажется, очень интересная. На улице мороз 20. Стекла в узорах. Скоро затопим плиточку. (...)

Интересны образчики цен на толкучке: хлеб - 300 руб. кг; рис - 500 руб. кг; масло - 750 руб. (все это, конечно, в очень малом количестве).

Вообще все говорят о скором и резком улучшении в продовольственном отношении, а это сейчас самое важное. (...)

31/ХІІ. Папа пришел с дежурства с радостной вестью: наш десант высадился в Крыму, занял Керчь и Феодосию и громит немцев. По заданию тов. Сталина Крым должен быть очищен от немецкой сволочи! Сегодня празднуем Новый год. Вечером - пир (насколько возможно, конечно). К вечеру над столом укреплю медный кронштейн с лампой (ниже старого). Будем жить при 2 лампах. (...)

4/І-42 г. Продукты еще не получены. Вчера мама взяла на пробу 400 г. «ржаной» (дурандовой) муки. Чайную чашку всыпали в суп. Сегодня попробовали: вкус дает, но и только. Капусту кладем уже только для вкуса, по неполной чайной чашечке. Сегодня мама спекла из части взятой муки и кофейной гущи лепешек и вечером сварила жиденькой кашицы. Все это кажется замечательно вкусным.

Опасность с Нинелиным желудком, кажется, миновала, но папа жалуется на слабость в ногах. Вообще же город вымирает... Смертность огромная; света нет; воды нет; трамваи не ходят; улицы покрыты снегом, который совсем не вывозится... Городу нужна срочная помощь. (...)

7/І-42 г. К одиннадцати часам пошли в театр. Свет дали, поэтому елка состоялась. В сильном холоде посмотрели «Дворянское гнездо». Артисты играли плохо; в пальто, валенках и шубах. Потом - обед. При впуске в столовую величайшая толкотня и беспорядок. Обед: крошечный горшочек супа, граммов 50 хлеба, тоненькая котлетка с гарниром из пшена и немного желе. Хлеб и котлеты принесли к вечернему пиру: предполагается каша из «ржаной» муки. (...)

8/І-42 г. Вчера вечером по моей просьбе мама достала у Юры остатки докторского микроскопа (штатив и труба). Юра перестал, очевидно, им интересоваться, а поэтому я попытаюсь эти остатки присвоить, тем более что, присоединив к трубе объектив и окуляр от моего УкозлаФ, я получил сносную для работы штуковину. Микроскоп этот не похож на наши теперешние; сделан, кажется, в Лондоне.

Вернувшись из школы (мы оставались дома, так как каникулы продлены до 15-го, что замечательно), папа принес еще скорбную весть: умер от истощения Владимир Петрович Шахин и еще один преподаватель. Все это действует угнетающе, а по городу везут еще гробы и гробы в громадном количестве... Ноги у папы пока не лучше, мои тоже чувствуют слабость; скорее бы улучшение! Но с фронта ничего утешительного нет.

9/І-42 г. Мороз не легче. Опять сидел целый день дома. Папа достал в школе по знакомству 4 кг муки (отходы от производства патоки) по 25 р.

за кило. Я упоминал уже о свойствах, испытании и оценке, данных этой муке. Но теперь, благодаря мне, отношение к ней резко улучшилось: в энциклопедии я нашел статью, в которой указывается, что при производстве патоки получается некоторое количество глюкозы (виноградного сахара), о котором (или которой) говорят, что сейчас она очень поддерживает организм. Кроме того, муку можно менять на толкучке. Из мучной болтушки с некоторым количеством сахара получается какое-то подобие повидла. Она нравится всем, за исключением Нинели. С этой штукой с большим успехом нами пьется чай, кофе и т. д.; я, кроме того, ем ее «сырым».

Некоторые изменения в городе: сняты кони барона Клодта с моста через Фонтанку; рядом рассажен сверху донизу бомбой дом. Люди по городу ходят как тени, большинство еле волочит ноги; на «больших дорогах» к кладбищам масса гробов и трупов без гробов, трупы, просто лежащие на улицах, - не редкость. Они обычно без шапок и обуви... Трудно будет выдержать этот месяц, но надо крепиться и надеяться. (...)

13/1-42 г. (...) С микроскопом пока работать нельзя, так как нет света, а при дневном зеркальце из-за своего малого диаметра (приспособлено зубное без черенка) слишком слабо освещает рассматриваемый объект. День прошел замечательно, если не считать маленькой размолвки между папой и мамой. По-моему, неправы были оба. (...)

16/1-42 г. День богат событиями. Днем совершенно неожиданно явился Алик Портяки. С ним я не виделся месяца 3. Вот настоящий друг! Он притащил мне около литра соевого сладкого молока! Он сейчас получает по первой категории; его мать, доктор, тоже; до последнего времени он доставал такое молоко. За «замором червя» заварили какао с таким молоком, вечером по две ложечки его добавили в кофе. Божественно, невообразимо, неопишимо вкусно! Пол-литра молока мама завтра попытается обменять на хлеб. Если не удастся удачно проделать это - оставим себе. Вечером - второе событие: пришла записка от директора школы, в которой тот сообщал, что папу берут в 11 школу в госпиталь для усиленного кормления и восстановления сил. Сделано ли это школой или по настоянию Райсовета, пока не знаем. Во всяком случае это очень хорошо: папа в последнее время жаловался на слабость, и мы очень беспокоились о нем, а там он как следует отдохнет. Сегодня вечером будем собирать его в госпиталь.

В школу мы пока ходить подождем, только Нинель будет ходить за

супами. В завтрашний рейс она получит карточки папы, отданные для регистрации. Если их не отберут, то и нам будет легче, пока он будет находиться в госпитале. (...)

17/І-42 г. Очень хлопотливый день. Утром проводили папу в госпиталь, мама пошла пешком в школу. За обедами вместо папы пошла Нинель. Получила 6 супов, сходила к папе, отнесла ему карточки (все-таки взяли!). Он устроился, кажется, хорошо. Подробности сообщит потом. Вероятно, он пробудет там от 1 до 2 недель.

Вечером уже варили суп втроем. Зашла погреться Соня, мы нагрели ей воды, завтра дадим немного дров. В благодарность она принесла нам с мельницы чашку пшеницы, комок теста (из него мама смастерит кашу) и большую лепешку (самодельную). Вечером доели молоко, макая в него хлеб - замечательно вкусно.

Завтра встанем в 6, т. к. в ТПО будут давать крупу.

18/І. Встали вместо 6 в 10 и хорошо сделали: утром за крупой была очередь (давали гречневую и перловую), а днем мама получила совершенно свободно наши 600 г. Взяли и того, и другого, смесью. Вечером варим кашу из вчерашних приношений Сони, пишем папе письмо. Завтра в школу ходит Нинель только за обедом и к папе, т. к. маме снова надо идти - регистрировать карточки. Насчет школы соображения такие: пока нет папы, мама ходит в школу, надо носить воду, пилить дрова с ней. Если начнем ходить в школу, получать супы по многим причинам будет очень трудно; занятия в школе ни то ни се. Завтра еще Нинель посоветуется с папой, ходить или нет: слишком сложно будет все. (...)

23/І-42 г. В ночь на сегодня умер Владимир Николаевич Комаров! Таня забежала вечером с вестью, что ему очень плохо. Мама посидела у нее до 12 ч., потом легли спать. Эту смерть папа предсказал уже давно: слишком уж худ был покойный... (...) Державшаяся до середины дня Таня сдает - плачет... Ей многое пришлось перенести.

Получили еще чашечку пшена от Екатерины Ивановны, в обмен на полчашки портвейна: у ее дочери плохо с желудком.

Нинель кашляет. Вечером устроим лечение: крепкий кофе, ложку меда, портвейна, потом закутаемся и спать. (...)

1/ІІ-42 г. Февраль! Он начался 15-градусным морозом. Уже февраль! Что-то он принесет с собой? В нашем кружке в последние дни частят разговоры об эвакуации, и верно: хочется удрать из Ленинграда. Слишком отошал и обессилел организм. Исхудали и устали, изголодались до невоз-

В мае 1942 года Миша последний раз отметил день рождения своей любимой сестрёнки Нинель, а через три дня погиб.

Одним из увлечений Миши в те голодные дни был микроскоп, который он собрал своими руками и пытался в него разглядеть жизнь микроорганизмов, которые существовали в блокадном городе вместе с людьми.

Фото на странице - из архива Н. Тихомировой.

возможности, а никаких улучшений по существу нет. Завтра начнем ходить в школу; я - ежедневно, Нинель - через день. Будет по 3-4 урока. Учиться, вообще говоря, не хочется совершенно (мозг ввиду общего ослабления не желает как следует работать, сосредоточиться), а учиться нужно.

Хорошо еще, что успешно идет пока наше наступление по направлению к Пскову и дальше. В последние дни вокруг города идет частая пальба, бывают сильные обстрелы окраинных районов. Надеемся, что немцев все-таки истребят у нас вокруг города, и уж тогда-то вздохнем свободно! (...)

3/II-42 г. Температура упала утром опять до 18. Хоть бы потеплело! Я и Нинель в школу сегодня не ходили: с самого утра охотились за мясом. Простояв до половины двенадцатого, получил 950 г. хорошего мяса. Крупы пока нет... Известия невеселые: нами оставлена Феодосия. Как-никак это удар...

Среди нас тоже невесело. У папы расстройство желудка, отсюда сильная слабость. Нас это очень беспокоит.

Имеются слухи о людоедстве: случаи нападения на женщин и детей, еда трупов. Слухи из разных источников; поэтому, я полагаю, это можно принять как факт. Еще одно: на февраль на Нинелью «по ошибке» удалось получить детскую карточку: это очень хорошее подспорье. (...)

11/II-42 г. Мороз 12 градусов; с утра маленькая метель, но к середине дня проглянуло солнце, посветлело. В школу ходил сегодня только я: у папы уроков не было.

День сегодня принес много радости: во-1), прибавили хлеба, и мы в день уже получаем на 300 г. хлеба больше (служащие 400 г.; ижд. 300; дети 300 и раб. 500), во-2), в сводке указано, что нашими частями ликвидирован основной узел блокады Ленинграда. К сожалению, больше ничего не указано. Где?

У нас в последнее время так же прочно, как «замор», вошел в жизнь мертвый час; храним свои силы. Прямо удивительно, до чего мы привыкли и почти перестали замечать отсутствие таких вещей, как свет, вода, уборные. Живем при ночниках, даже лампу зажигаем редко для экономии керосина.

В последнее время начинает замечаться некоторая забота о порядке в городе. На толкучке, разросшейся в последний месяц до невероятных размеров, начали энергично орудовать пешие и конные милиционеры; помои и нечистоты, выброшенные на улицу, заставляют убраться.

Эвакуация идет сейчас, по-моему, полным ходом. По утрам очень часто видишь саночки с вещами, ползущие к Финляндскому вокзалу, откуда идут эшелоны к Ладожскому озеру. Мы же об эвакуации пока невысокого мнения: идут слухи, что везде живетса несладко; да и появилась надежда на улучшение положения в Ленинграде.

Р. С. Татьяна Александровна получила письмо из Ташкента от эвакуировавшихся родных. Они пишут, что там очень не сладко: работу найти трудно, с продуктами очень туго, заработки невысокие. (...)

13/II-42 г. (...) Получили пшено, объявлена выдача сахару (всего 950 гр.), завтра ожидается выдача мяса и масла.

Интересен случай, иллюстрирующий трудность получения и ценность воды. В Волковой деревне хозяйка загоревшейся квартиры выскочила на лестницу, по которой поднималась женщина с 2 ведрами воды. Несмотря ни на какие уговоры и мольбы первой, вторая воды дать не пожелала. В результате дом сгорел...

Большое число смертей в городе происходит все-таки от неумения или невозможности в некоторых семьях планово распределить пищу. Некоторые, например, получив утром хлеб, сразу же съедают его. Так же поступают с другими продуктами. Многие из обедающих в столовых, беря по нескольку блюд, в первые же дни исчерпывают всю карточку, а потом пухнут с голоду... У нас в этом отношении дело обстоит благополучно: план везде и всюду. (...)

19/II-42 г. В школу ходили Нинель и я. Дома остался папа: мама тоже ходила к себе в школу. Она обещала вернуться позднее, поэтому мы решили «замариваться» втроем. Только скипел самовар, неожиданно открылась дверь и появился настоящий, живой Боря!!! в красноармейской форме. Все мы бросились к нему. От радости чуть не плакали! Сели к самовару. Боря из мешка достал масла, хлеба, сухарей, сгущенного молока. Пили чай и не могли наговориться! Ели, конечно, тоже не по-прежнему.

Пришла мама... Заплакала от волнения и радости; глядя на их встречу, и мы не могли удержаться от слез...

Оказывается, Боря до последних дней не знал о страшном положении в Ленинграде, а как только узнал, то, взяв продуктов, поспешил вырваться на несколько дней сюда. С большими трудностями добрался сюда, не знал, живы ли мы, цел наш дом. Всех нас очень сильно взволновала эта чудовищно радостная, необыкновенная встреча. Еще сейчас не верится, что приехал Боря!

В голове масса, хаос мыслей. Их приведу в порядок и запишу позднее: сейчас это невозможно сделать. Пока коротко: Боря привез 3 больших буханки хлеба, немного сухарей, консервов, масла, баночку сгущенного молока, макарон, несколько концентратов. Это все для нас сейчас очень кстати! Вечером будет прямо пир. (...)

25/II-42 г. (...) Боря уехал 23-го. Расставаться было тяжело. Кто знает, встретимся ли еще?

За эти дни объявили и выдали еще крупы, по 100 г. масла, по 25 г. какао (детям и рабочим выдают шоколадом), по 1/4 л. керосина. Хлопот полон рот, как видно из этого!

Сегодня к «замору» приходила мама. Выглядит она немного лучше, кормят их там сносно, хорошо с песком и маслом, первого в день 50 г., второго тоже. (...)

28/II-42 г. Сижу дома хранителем жилья и всего прочего. Ноги слабы, тело вялое. Особенно жалуется на это папа: он говорит, что ноги хуже, чем когда-либо. Чем объяснить это?

Был коротенький обстрел. Снаряды ложились где-то очень близко.

Сегодня вернулась из стационара мама. Чувствует она себя лучше, хотя ноги все еще слабы - да и понятно: слишком недостаточен срок и количество питания для таких организмов, как наши. Во время обстрелов много снарядов упало и около стационара мамы. Мама принесла с собой пару крупных осколков.

В последние дни читаем вслух и каждый отдельно Оскара Уайльда: папа на толкучке приобрел томик с главнейшими его произведениями.

Порций хлеба (да и всего прочего) снова чудовищно мало; аппетит адский! Снова мечтаем о прибавке.

1 марта 1942 года. (...) Весь день посвятили уборке: копать, грязь и беспорядок у нас страшные. Вечером мама получила мясо (это последняя февральская выдача); поели его сырым, с маленькими кусочками хлеба - замечательно вкусно, чувствуешь себя волком.

Слабость в ногах не проходит, хотя последнее время едим каши, жидкие, правда, но все-таки каши. Может быть, это нам только может казаться, что таким «обильным» питанием можно поправить такие организмы, как наши. Борис, например, говорил: «Это не еда, не поправка, а вам надо бросать все да сматываться отсюда, ибо на такой пище далеко не уедешь, а второй блокады вам не пережить». Последнее абсолютно верно. (...)

5/III-42 г. Ну и март! 25 градусов мороза при ясном небе и замечатель-

ном солнце. (...) Солнце, заглядывающее в комнату, использую на 100%: рассматриваю инфузорий из загнившей сенной настойки.

15/III-42 г. Воскресенье, половина марта, но все те же чертовы 25 градусов. Мама утром ходила к Балтийскому за белым хлебом (его дают только больным желудком, но маме повезло: она купила за 25 руб. справку, по которой его можно получить). Придя домой, она обменяла 800 г. (на 2 дня) белого хлеба на 1600 г. черного - прямо замечательно! Папа ходил на воскресник - скалывал лед у школы, хорошо хоть, что их там покормили. Завтра папу берут в городской стационар; я снова остаюсь главным истопником, водоносом и т. д. (...)

19/III-42 г. Чуть теплее; солнце, небо и воздух замечательные. Мама и я сегодня сидим дома, отдыхаем. Объявили выдачу масла всем, кроме нас, иждивенцев. Это хорошо: папе тоже, вероятно, начнут давать масло.

В квартире у нас произошел трагический случай: замерз муж Прасковьи Ивановны, Константин Алексеич! Он пошел в баню куда-то к черту на кулички, прислал поздно вечером оттуда человека с вестью, что лежит и не может идти. Его жена (какое дать ей название!), побоявшись идти к нему с саночками одна, тем не менее никому ничего не сказала. И вот результат! Почти убийство. (...)

20/III-42 г. Вот новое по городу за последние дни: идет массовая уборка снега из дворов, у Обводного, например, на мосту постоянно стоят грузовики, сани с ящиками, сваливающие груды снега за перила. Целыми днями над городом носятся и гудят самолеты, много самолетов; изредка начинается страшная пальба зениток - очевидно, над городом появляется вражеский самолет. Говорят, что площадь Урицкого вся вскопана снарядами; сгорела довольно большая часть Гостиного двора.

Наш управхоз зашевелился: двор немного приведен в порядок, из стены выведена труба - бежит вода.

Толкучка разрослась невероятно, масса ценных вещей, красивой посуды, всякой всячины. (...)

21/III-42 г. С утра я занимался уборкой: ведь сегодня день маминного рождения! Мама и Нинель в школе; первая - за белым хлебом, вторая - за обедом. К трем часам поели супа; к четырем пришел папа, поставили самовар и устроили торжественный «замор». Маме поднесли великолепную чайную чашку, купленную папой на толкучке. На «заморе»: черный и белый хлеб (копился нами за несколько дней), Боринины «сазан в томате» и сгущенное молоко, сахарный песок

и натуральный кофе. Поели хорошо; отвели, что называется, душу.

Сегодня объявили выдачу сахара и крупы. Нормы старые, завтра попытаемся получить то и другое.

В последнее время участились обстрелы города, бьют по разным районам. Жители же совсем спокойны: то ли привычка, то ли перенесли неизмеримо больше. Сводка бодрая: части Федюнинского теснят немцев, продвинулись на несколько километров; определенного же ничего. (...)

28/III-42 г. Прекраснейший солнечный день при зверских и неуместных -14. Папа и мама пошли в школы; папа - на собрание, посвященное концу четверти. Я, сделав все обычное по хозяйству, пошел потолкаться на толкучке (там масса интересных вещей). Наблюдал немецкий самолет, который появился на большой скорости над городом, выпуская за собой белый дымок. Зенитки открыли по нему частый, но не блестящий по своей меткости, а потому и безрезультатный огонь.

Я и папа вернулись домой почти одновременно; папа сразу же спешно послал меня в школу, т. к., оказывается, утром надо было явиться в школу для генеральной уборки. (Надо сказать, что выпущено постановление о мобилизации всего населения с 15 лет для очистки города). Явился в школу поздно, но отговорился тем, что привлекли по жакту для сколки снега: скандала избежал. Теперь ежедневно по 2 часа будем направляться школой на работы (так будет до 8 апреля).

Благодаря собранию, кроме супа выдали по микроскопической порции пшенной каши. Получили 4 каши и с величайшим удовольствием съели их за «замором».

29/III-42 г. Погода - точная копия вчерашней и, следовательно, прекрасная. Утром удачная охота за сливочным маслом; получено вместе с новой выдачей (всем, кроме иждивенцев) 1050 г. ! Давненько не было столько масла! От карточек (масляных) остались только корки и ни одного талона, а этого не было уже несколько месяцев.

Город принялся за уборку. На улицах масса народу с ломami, лопатами и кирками. Солнце помогает им всюю. Уклоняющихся от повинности задерживают милиционеры (была, например, оцеплена толкучка и устроена проверка документов). (...)

Немцы разлетались: самолеты появлялись над городом несколько раз. Зенитки, как и полагается, страшно, но безрезультатно палили.

P. S. Пробуждение сегодня не совсем обычное: с грохотом и звоном выбитого стекла. Очевидно, где-то поблизости ляпнулся снаряд. Я искал,

но следов не нашел... Снова хлопают зенитки. Пойду высунусь и посмотрю. (...)

2/IV-42 г. По виду форменная зима: серое небо, сыплет с самого утра снег, -5. После уроков работали и, по-моему, совершенно зря: снег сразу же засыпает очищенное. После работ «на снегу» последних дней ноги и руки от работы ломом ослабли и снова отказываются работать.

В школе новый предмет, называемый «противохимическая защита». Упор на то, что очень и очень возможны в самом близком и неожиданном будущем «химподарки» от немцев; половина передовиц посвящена этому. (...)

9/IV-42 г. Утром пасмурно, но выше нуля. В середине дня проглянуло солнце, тает чудовишно, улицы потоплены. Опасения оправдались - работы продлены до 15-го, но в школе сегодня работ не было. За эти дни убрано очень мало по городу; один сегодняшний день уберет снега больше, чем все население города. Очевидно, нам теперь всю весну и лето, под разными соусами, будут преподноситься разные повинности. Кончится снег, начнется земля, огороды и т. д.

Божественный «замор»: мама получила в ТПО сельди (4 штуки и хвост) и новую выдачу масла (600 г). Сельди крупные, жирные, толстые - божественные, с не менее божественными молоками. (...)

12/IV-42 г. День можно вполне назвать весенним, ибо очень тепло, тает чудовишно, ветерок теплый и наполненный разными запахами, многие из которых будят массу приятных воспоминаний.

На то время, когда должна была прийти учительница рукоделия, я отправился гулять по Невскому. Он уже очистился от снега, подсох, довольно оживлен; на солнечной стороне, на каждом уступе стены или тумбочке греются выползшие из домов с книгами и газетами изможденные ленинградцы.

Последние дни над городом тишина: ни налетов, ни обстрелов. Сводки информбюро ничего не говорят и не разъясняют; мы же частенько строим теперь догадки и планы на будущее, которое покрыто таким мраком, что и черт выколет оба глаза...

13/IV-42 г. Утром маленький морозец, зато днем идеально чистое небо и замечательное солнце. Школьный двор почти весь обтаял, поэтому после уроков поковырялись только для вида. Ноги плохи. Слухи: о прекращении эвакуации, о скором выселении из Ленинграда некоторых категорий, например, с судимостями, спекулянтов, эвакуированных и т. д. (...)

20/IV-42 г. К 10 отправился в Райсовет узнавать о своих делах. Дорогу туда и обратно проделал на трамвае, поэтому, устав очень мало, вернулся рано. Результаты таковы: завтра к 10 часам явиться на медосмотр в 18-ю поликлинику, потом снова в Райсовет, уже за путевкой в ремесленное училище. Захватить с собой уже продуктовые карточки.

Сейчас жду папу и Нинель из школы, размышляю. Решил воспользоваться временем, покоем и тишиной, царящей в квартире, и вписать в дневник день великого переворота в моей жизни. Немножко грустно. Влияет, конечно, на настроение прекрасная погода, грачи, ломающие для своих гнезд ветки с деревьев у церкви, бабочка (кажется, траурница - большая и черная) - первая! - пролетевшая сейчас по улице. На первый взгляд все это весеннее, веселое, но война и блокада - 2 слова, объясняющие все. Весеннее - недоступно.

С другой стороны, как-то отрываешься от своих, дома будешь только ночевать, пожалуй! Вообще же из нас, наверное, очень быстро «спекут» должных электромонтеров и сварщиков и пошлют по предприятиям. Работы по городу этим специальностям, вероятно, будет много. (...)

15/V-42 г. Довольно ясно, тепло; вылезает трава, разворачиваются листья. В училище ничего нового, но занятия, по-моему, идут все-таки вяло.

Завтра Нинелин день рождения. Устроим «замор», который обещает быть замечательным. Хлеб подкоплен.

Толкучка обогащается: скоро эвакуация, и отъезжающие распродают. (...)

17/V-42 г. Воскресенье. Погода совсем летняя: 15 градусов тепла; в трамваях жарко. «Замор» вчера был замечательный. Я наелся до отвала (не зря копил!).

В училище выдали обед и ужин вместе, в 1 час дня, поэтому вернулся домой рано. Что будем делать - не знаю. Может быть, если Нинель придет рано, сходим в кино.

Поминутно вспоминается былое, которое повторялось бы и сейчас, не будь проклятой войны. И понятно: трава уже большая, скоро будут листья (на кустиках уже есть), а погода!..

А тут с утра до вечера я - в училище, да и все остальные из-за питания поздно сидят по школам.

Опять хочется удрать подальше из героического постылого и надоевшего Ленинграда.